

Благородный долг советских писателей

Подлинно всенародный характер приняла в нашей стране кампания по сбору подписей под Стокгольским Воззванием. За 10 дней свыше 96 миллионов советских людей поставили свои подписи под Воззванием. Во всех, без исключения, районах страны, как в городе, так и в деревне, развернулся сбор подписей. Большой политический и трудовой подъем, который охватывает трудящиеся, свидетельствует о морально-политическом единстве советского общества, сплоченности его под знаменем партии Ленина — Сталина, знаменем мира.

Мир... Какое большое, почти всеобъемлющее содержание заключено в этом маленьком слове! Человека, спасшего жизнь другому, называют благородным человеком. Как же благородна борьба за спасение миллионов жизней, за спасение целых народов, за спасение человечества от всемирной кровопролитной бойни!

И во главе этой борьбы стоит наш Родина — надежда человечества. Советские писатели, которые живут радостями и тревогами своего народа, вносят немалый вклад в великое дело борьбы за мир во всем мире.

Горький обращал свой могучий голос к мастерам культуры разных стран и материков, призывая покончить с лагерем реакции и мракобесия.

Маяковский беспощадно расправлялся с поджигателями войны, международными «столодами и маслинами», с чернильниками и перьями, дележавшими планы крестового похода против страны Советов.

На весь мир прозвучали произведения советских писателей, несущих идеи сталинской политики мира, разоблачающих империалистических агрессоров. Молодежь всего мира поет на десятках языков песни о мире, сочиняемые советскими поэтами и композиторами.

Наши писатели сражаются против угрозы войны не только своими книгами. Они выступают как достойные полпреды советской культуры за рубежом, участвуют в международных конференциях, митингах, разоблачая подлую клевету о «железном занавесе», срывая лживые маски с поджигателей войны. Вспомним речи А. Фадеева, П. Павленко, А. Корнейчука, И. Эренбурга в Нью-Йорке, Париже, Стокгольме и других городах мира.

Успехи советской литературы, борющейся за мир, велики. Но они могли бы быть сегодня еще больше. Далеко не все писатели, инженеры человеческих душ, чувствуют себя мобилизованными и призванными на благородную борьбу в защиту мира. Некоторые порой рассуждают так: «Я пишу романы или поэмы, я не публицист, так зачем же мне выступать на газетных страницах?» Неверно! Любимый писатель — драматург или прозаик, где бы он ни работал, — должен уметь выступать на страницах газеты или журнала с острой публицистической статьей, разоблачающей провокаторов войны.

Мы знаем, что многие наши писатели принимают участие в поездках советских делегаций за границу. Но все ли из них, вернувшись на Родину, выступают в печати с рассказом о борбах за мир, с разоблачением поджигателей войны?

Разве можем мы забывать о примере Маяковского, который всегда отчитывался перед аудиторией стихами и очерками о своих поездках по Америке и Европе?

Можно отметить успехи советской поэзии, давшей за последнее время ряд сильных произведений, — «Дорога к миру» М. Луконина, «Дети разных народов» Л. Ошанина, «Дальний гарнизон» С. Гудзенко, цикл стихов А. Малышко «За си-

ни моря»; сборники «В защиту мира», «За мир, за демократию!» и др.

Но нередко еще встречаются в стихотворениях наших поэтов на международную тему холодная рифмованная риторика, штампованные выражения. Борьба советских людей за коммунизм — не изолированная тема нашей литературы. Эта борьба находит в себе всю повседневную жизнь. Между тем, авторы многих романов еще не учитывают всей важности этой борьбы. Надо изображать не только дела советских людей, но и их мысли, чувства, разговоры, ту заинтересованность и волнение, с которыми они встречают каждый новый успех, новую победу многомиллионной армии борцов за мир.

Советские драматурги создали ряд произведений, проникнутых наступательным духом, обличающих гнилую буржуазную культуру и мораль. Но почему у нас еще нет волнующих пьес о героях Китая, о славных действиях французских докеров, о борбах за мир во всем мире?

Серьезных упреков заслуживает литературная критика, которая еще очень мало изучает огромный опыт борьбы за мир советских писателей. В отделе критики и библиографии толстых журналов, на страницах газет, мы почти не найдем серьезных обобщающих статей на эту тему. Иные критики считают публицистику чуть ли не «второстепенной» литературой.

В плане такого большого издательства, как «Советский писатель», по отделе критики и литературоведения мы не найдем ни одной работы на тему «Советская литература в борьбе за мир». А ведь такая работа сыграет большую роль и у нас и за рубежом нашей страны.

Слаба еще организующая роль журналов и газет в деле мобилизации писателей на борьбу за мир. Некоторые редакторы ориентируются в своей работе только на «известных» литераторов. Но ведь с именами не рождаются, надо серьезно работать с людьми, выращивать писателей, гордиться с этими молодыми выращенными именами. Редакция наших литературных журналов — толстых и тонких — должна помочь литераторам глубже ознакомиться с зарубежной жизнью. Писатель должен хорошо владеть материалом, о котором он пишет.

Хороший журнал — прежде всего боевой журнал, который не просто отражает борьбу за мир, но и сам активно участвует в ней. Журнал «Смена», например, чрезвычайно слабо откликается на эти темы. А кому, как не молодежному журналу, показать пример боевого, активного участия в борьбе за мир, волнующей миллионов юношей и девушек!

Многое еще предстоит сделать нашим газетам, центральным и областным. Надо расширить круг авторов, пишущих о борьбе за мир, — наших и зарубежных, более разнообразно осмелить эту борьбу на материале самых различных стран. Многие могут сделать газету, привлекая писателей к работе над злободневным материалом, над публицистическими статьями или памфлетом, острым политическим стихотворением, очерком на международную тему.

Голос советского писателя должен страстно звучать со страниц наших газет и журналов, со сцен театров и клубов, по радио, гневно разоблачая провокаторов и поджигателей войны, неся советскому народу и всему борющемуся человечеству живое слово нашей большинства правды, идеи мира и демократии.

Благородный долг каждого советского литератора — поэта, прозаика, драматурга и критика — принять достойное участие в великом патристическом движении советского народа, идущего во главе борьбы всего человечества за мир.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 56 (2647) Среда, 12 июля 1950 г. Цена 40 коп.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Под Стокгольским Воззванием подписались 96.360.866 советских граждан (1 стр.).
Ан. Волков. — Новая книга о Горьком;
А. Шаров. — Жизненные приключения;
В. Городицкий. — Несостоявшаяся встреча;
З. Кедрина. — Любимый герой (2 стр.).
Г. Белов. — Два века театра; Ал. Дунаевский. — Председатель колхоза — агроном;
Н. Грибачев. — Макартур — «блестящий микадо» (3 стр.).
П. Крайнов. — Обзор военных действий в Корее; И. Волк, В. Корнилов, А. Васильев. — Народ сражается; Илья Эренбург. — Пять стран. Чехословакия (4 стр.).

Под Стокгольмским Воззванием подписалось 96.360.866 советских граждан

В СОВЕТСКОМ КОМИТЕТЕ ЗАЩИТЫ МИРА

По сообщениям, поступающим в Советский Комитет защиты мира, развернувшаяся в СССР кампания по сбору подписей под Воззванием Постоянного Комитета Всемирного конгресса сторонников мира о запрещении атомного оружия приобрела подлинно всенародный характер.

С начала кампании, т. е. с 30 июня по 10 июля, по Советскому Союзу под Стокгольмским Воззванием подписались 96.360.866 граждан.

Сбор подписей под Воззванием развернулся во всех без исключения районах страны, как в городе, так и в деревне.

По сообщениям, полученным от Комиссий содействия Советским Комитетом защиты мира, во многих крупных промышленных центрах страны — Москве, Ленинграде, Киеве, Минске, Баку, Тбилиси, Ташкенте, Риге, Сталинграде, Новосибирске, Свердловске, Горьком, Харькове, Куйбышеве, Казани, Одессе, Сталино, Ростове — подавляющее большинство граждан уже поставило свои подписи под Воззванием.

Успешно проходит сбор подписей во всех союзных и автономных республиках Советского Союза. Все народы нашей многонациональной страны единодушно поддерживают призыв о запрещении атомного оружия и объявлении военным преступником того правительства, которое первым применит это оружие агрессии и массового уничтожения людей.

Кампания по сбору подписей повсеместно проходит в обстановке большого политического и трудового подъема. На собраниях и митингах выступили сотни тысяч советских людей. Рабочие, крестьяне, интеллигенция, советские женщины и молодежь горячо одобряют мирную поли-

тику Советского правительства и заявляют о единодушной готовности трудящихся СССР, вместе с народами других стран, отстаивать дело мира и международной безопасности.

На массовых митингах и собраниях советские люди осуждают действия американских поджигателей войны, начавших открытую интервенцию в Корею, и требуют прекращения вооруженной агрессии против свободолыбного корейского народа.

Подписывая Воззвание Постоянного Комитета Всемирного Конгресса сторонников мира, советские рабочие, колхозники, работники интеллигентного труда подкрепляют свое горячее стремление отстаивать дело мира самоотверженным трудом, направленным на укрепление мощи Советского государства, как оплоты мира во всем мире. На заводах и фабриках, в колхозах, МТГ и совхозах трудящиеся становятся на станочные вахты мира, добиваются перевыполнения производственных планов, повышения качества продукции и снижения ее себестоимости. В районах страны, начавших уборку урожая, организуется досрочная сдача хлеба государству.

Успешный ход сбора подписей под Стокгольмским Воззванием в СССР является мощной демонстрацией морально-политического единства советского общества, преданности советского народа своему правительству, большевистской партии и великому знаменицу мира товарищу Сталину.

Сбор подписей под Воззванием Постоянного Комитета сторонников мира о запрещении атомного оружия продолжается.

Где бы ни был советский человек...

Советский Союз — знаменосец мира. Наш народ не хочет войны, он строит, творит, создает. Живя вдали от Родины, мы, воины, всем сердцем с родным народом. Его думы — наши думы. Его чаяния — наши чаяния. И когда к нам пришла весть о том, как горячо откликнулся на призыв Советского Комитета защиты мира советские люди, живущие на Родине, к их мощному голосу присоединили свои голоса и воины группы советских войск в Германии.

За демаркационной линией, в английской и американской зонах, днем и ночью импералисты репетируют военные авантюры. На их аэродромах стоят бомбардировщики, готовые «забыть» над советской территорией. На их полигонах обучаются гангстеры, готовые по приказу Уолл-стрит яечь мирные города и убивать детей.

Это помнят воины, несущие службу мира на берегах Эльбы и Шпрее. Текст Стокгольмского Воззвания является для них документом, призывающим к еще большему усилению бдительности. Для них подписи под Воззванием — это обязательство, взятое перед Родиной, перед людьми доброй воли во всем мире.

Вот почему стали сразу заполняться подписями солдат и офицеров листы с текстом Стокгольмского Воззвания. Подписывали их ветераны Сталинграда и участники исторических битв на Одере, Штурмовавшие Берлин.

Комсомолец, гвардии старший сержант Иван Сидоренко, только что провел в своем подразделении беседу о Стокгольмском Воззвании, призывая товарищей поставить свои подписи под требованием о запрещении атомного оружия и объявлении военным преступником правительства, которое первым применит это оружие.

В годы войны город Миллерово, близ которого он жил, был временно захвачен оккупантами. Они разрушили сотни домов, светлые школы превратили в грязные крошечные. Весной этого года Сидоренко пропал отпуском в родных краях. Поднялся из пепла и руин, неузнаваемо преобразился родной город. Сидоренко увидел цветущие сады. Радостно встретил его шестидесятилетний отец — потовственный железнодорожник.

Сержант Сидоренко увидел ту светлую, благодатную мирную жизнь, которую он охраняет, как воин Советской Армии. И об этом Сидоренко говорил своим товарищам по части. Мир всему миру! Пусть в подписях миллионов советских труженников присоединятся и грозные подписи тех, кто с оружием в руках охраняет мир.

— Пусть знают расправившиеся агрессоры, — говорил он, — что вместе с простыми людьми всего земного шара, вместе с миллионами людей нашей социалистической Отчизны советские воины выступают против войны, за мир. Руками, которые уверенно держат оружие, они ставят свои подписи под Стокгольмским Воззванием.

Это послужит грозным предупреждением империалистам.

Ю. ЧЕРНОВ,

гвардии лейтенант

БЕРЛИН

С МОРЕЙ И ОКЕАНОВ

Радиоцентр Балтийского морского пароходства. Где бы ни находились советские корабли, где бы моря и океаны они ни пересекали, сюда доносится голос наших моряков. Бурные сутки дежурят радиоперсоналы у приемников и передатчиков.

Пароход «Зои Космодемьянская» подал сигнал Гибралтару, когда его комсомольско-молодежный экипаж услышал по радио обращение Советского Комитета защиты мира о проведении сбора подписей под Стокгольмским Воззванием. И там, у Гибралтара, молодые моряки советского корабля присоединили свои подписи к подписям миллионов советских людей.

Подписав Воззвание, они передали на Родину: «...Призываем всех моряков Балтики поставить свои подписи под Стокгольмским Воззванием, внести свой вклад в дело борьбы прогрессивного человечества за мир во всем мире».

Перед нами пачка радиограмм. Они получены из всех частей света от экипажей десятков советских теплоходов и пароходов.

Экипажу «Зои Космодемьянской», подписавшему Воззвание в Средиземном море, ответили моряки теплохода «Академик Карпинский», пересекающего Северное море; парохода «Балдай», находящегося в Тихом океане; теплохода «Грибовод» — из Северного Ледовитого океана; парохода «Львов», приближающегося к побережью Франции; парохода «Челюскинец», идущего к берегам Камчатки...

Много лет бороздят моря и океаны паро-

ход «Дмитрий Пожарский». Недавно он зашел в итальянские порты Анкона и Барри. Наши моряки видели американские военные корабли и транспорты, стоящие на рейде, и докеры, отказавшиеся разгрузить оружие. Простые люди Италии восторженно приветствовали советских торговцев морями. Сейчас «Дмитрий Пожарский», возвращаясь из Южной Америки, пересекает Атлантический океан. В просторах Атлантики его экипаж подписал Стокгольмское Воззвание.

Десятки радиограмм... Сообщают моряки парохода «Севастополь»: «...Мы глубоко возмущены прямым вмешательством американских агрессоров во внутренние дела Кореи. Вместе со всем нашим миролюбивым народом мы требуем немедленного вывода из Кореи американских войск. Присоединяясь к лагерю борцов за мир, мы единодушно подписываемся под Стокгольмским Воззванием».

Радиооператор прислушивается к звучащим в эфире голосам: «...Еще один вывоз — «Кателла»... «Кателла» — учебное судно. На нем проходит практику воспитанники мореходного училища. Будущие моряки торгового флота сообщают на берег, что на судне только что закончен сбор подписей под Воззванием Мира».

— За мир во всем мире!

А. ПОЛОВНИКОВ,

Б. РЕСТ

В далеком стойбище

В эти дни, когда миллионы советских людей подписывают Воззвание Стокгольмской сессии Постоянного Комитета Всемирного конгресса сторонников мира, я побывал в предгорьях Сихоте-Алиня, где на берегу шумного Тумнина, в одном из самых глухих таежных мест, в бывшем стойбище живут орочи — маленький, трудолюбивый народ, возрожденный в жизни советской власти.

...На здании школы-интерната висело широкое алое полотнище. На нем слова: «Мир победит войну!» Здесь, на берегу таежной реки, где шумят на ветру столетние кедр, в далеком поселке орочей эти слова приобретают особое значение, особый смысл.

— Нас было много когда-то, — говорил мне старый охотник Тихон Намунка, — так много, что лебеди, пролетая над тайгой, становились черными от дыма наших очагов. Но как быстро расли наши очаги! И он стал рассказывать о прошлом.

Шла из корья, посреди — вечно горящий очаг, дым и копоть, от которых слепили глаза. Одежда из рыбьей кожи и шкуры сохотого. Дурная хитрого шамана. Суверия, отсутствие трамоты. Болзая, косыные целые стойбища.

Свою подпись За мир над землей, За чокор на границах Под Воззванием твердой рукой Вывожу на странице. Рядом подписи вижу друзей, Что за мир воевали И немало военных ночей За него не доспали.

Они эти вот мирные дни Ожидали с любовью. Ведь за них подписались они Драгоценною кровью, Руку матери я узнаю, Что в дороге к Берлину Потеряла в тяжелом бою Долгожданного сына. Он лежит на свободных полях Незабываемым героем,

— И вот нас стало мало, так мало, что порою становилось жутко в тайге, — говорил Намунка. — Только теперь, при советской власти, при Сталине мы зажили, как люди, жили мирным трудом. Отросли крылья у нашего народа. Орочи во время войны отжили все, что могли, для победы. Мы отгадали все для победы, чтобы наступил мир. И сегодня отжили все. Мир нужен нам, орочам, он нужен всем народам, чтобы жизнь стала еще светлее.

Вместе с Намунка мы идем в клуб. Наде свои праздничные платья, расшитые национальными орнаментами, орочи собирались сюда, чтобы подписать Стокгольмское Воззвание. Первой подписывала его столетняя Екатерина Алука, за ней искусный охотник коммунист Тихон Алука — оба из рода Алука. Подходили к столу, на котором лежит текст Воззвания, юноша Юшка Намунка и учительница Дарья Намунка.

Все триста орочей, живущие в этом отдаленном районе советской земли, поставили свои подписи под Воззванием Мира.

С. БЫТОВАЯ

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

У МЕТЕОРОЛОГОВ ПАМИРА

Высоко в горах Памира, на одном из ледников, расположена метеорологическая станция. Это величайший из внеарктических ледников земного шара.

Доступ в район станции возможен лишь в летнее время. Небольшое здание станции, покрытое круглой обтекаемой крышей и несколько похожее на ангар в миниатюре, вынесенной зимой дважды ледником засыпано снегом. Немногочисленный коллектив станции положил немало труда, чтобы освободить из сугробов свой дом и будки с приборами.

Регулярная связь с Большой Землей поддерживается только по радио. Радио и пришло на «Крышу мира» весте о решении пленума Советского Комитета защиты мира начать сбор подписей под Стокгольмским Воззванием.

...В помещении станции раздается голос диктора. Зимолюбивки слушают сообщение о том, как идет по всей советской стране многолюдные митинги.

На столе — текст Воззвания; записанный дежурным радистом. И люди высокогорной метеорологической станции, работающие среди вечных льдов, один за другим ставят свои подписи под этим историческим документом мира.

Выражая гневный протест против вооруженного вмешательства американских империалистов во внутренние дела Кореи, зимовники присоединяют свой голос к голосу всего советского народа, исполненно-го непреклонной решимости отстаивать дело мира.

Поставив свои подписи под Воззванием, зимовники приняли обязательство умножить свои трудовые успехи.

Р. ВАСИЛЬЕВ

СТАЛИНАБАД

НА ЮЖНОЙ ГРАНИЦЕ

Далекий южный край нашей Родины. Угрюмые скалистые хребты. Обрывистые, заросшие дикой растительностью ущелья. Тихина. По эту сторону — советская Туркмения, по ту сторону — Иран.

Пограничная застава находится высоко в горах. В небольшой уютной комнате, где в часы досуга бойцы слушают радио, читают журналы и газеты, играют в шахматы, сегодня собрался все свободные от службы солдаты и офицеры.

Говорит старший лейтенант Зеликов: — Весь наш народ голосует за мир. Пограничники — первые часовые мира. И кому, как не нам, поставить свои подписи под Стокгольмским Воззванием.

Начальник заставы подписывается под Воззванием и передает перо радистому Майорову. Пограничник только что вернулся с поста. Твердым почерком он ставит свою подпись.

— «Почерк» Майорова уже кое-кому известен, — говорит товарищи, подражая задержанного Майоровым нарушителя границы.

— Подписывайся за мной, Котлов. У тебя ведь тоже «почерк» неплохой...

Они за другим ползют к столу солдаты, сержанты, офицеры. Они требуют запрещения атомной бомбы. Они кланяются блатному охранять мирный труд советских людей — труд строителей коммунизма, на страже которого они стоят на далекой границе нашей Родины.

Н. НИКИТИН

Н-СКАЯ ЗАСТАВА

Расширять фронт мира

Новые миллионы подписей под Стокгольмским Воззванием

КИТАЙ

ГОЛОС МИЛЛИОНОВ

Китайский народ, гневно протестуя против американской агрессии на Дальнем Востоке, подписывается под Стокгольмским Воззванием.

Ставя свою подпись под призывом мира, владелец небольшой лавки в районе Пынаи Чан Лун-ху сказал: «Движение за сбор подписей в защиту мира ведется в интересах благосостояния народа. Подписавшись под Воззванием, мы сделали еще далеко не все, так как мы должны поддержать Народно-освободительную армию в деле освобождения Тайваня, и только тогда мы сможем выполнять свой долг».

Житель Шанхая Ло Фу-син заявил: «Весь китайский народ любит мир. Американский империализм хочет помешать освобождению Тайваня. И это новое доказательство того, что империалисты желают войны».

ШВЕЙЦАРИЯ

АТОМНАЯ БОМБА БУДЕТ ЗАПРЕЩЕНА

После того как в Швейцарии были получены сообщения об американской агрессии в Корею, во всех крупных городах страны развернулось соревнование между отдельными районами по сбору подписей под Стокгольмским Воззванием. Газета «Вау уршер» сообщает, что центральный район Лозанны собрал 1432 подписи, западный — 1396. Свободная швейцарская молодежь, соревнующаяся с датской молодежью, уже собрала 39.385 подписей, что составляет 57 процентов взятого на себя обязательства.

«Уже собранные первые 100 тысяч подписей», — пишет газета «Вау уршер», — являются первым камнем, преграждающим путь войне. Атомная бомба будет запрещена. Сейчас наступила вторая фаза — фаза организованной работы, которая должна привести нас к еще большему успеху».

АНГЛИЯ

ТРЕБОВАНИЕ НАРОДА

На одном из самых высоких зданий Бирмингэма появился огромный плакат с надписью: «Запретить атомную бомбу! Подписывайте всемирную петицию мира!» С крыши одного из зданий в торговом районе города были сброшены тысячи листовок, требующих прекращения войны против корейского народа. Таков был ответ простых людей Англии на акт американской агрессии в Корею.

Выступая на митинге в Гайд-парке в Лондоне, секретарь лондонского окружного комитета компартии Джон Магон потребовал прекращения американской агрессии против Кореи. После митинга тысяча участников подписала петицию Английского комитета защиты мира.

ШВЕДИЯ

НОВЫЕ КОМИТЕТЫ ЗАЩИТЫ МИРА

Шведский национальный комитет защиты мира обратился ко всем сторонникам мира в Швеции со следующим воззванием: «Приказ президента Трумэна о военной интервенции против национально-освободительного движения народов Кореи, Китая, Филиппинских островов и Вьетнама является подготовкой к непосредственному развязыванию войны, которая угрожает миру во всем мире».

Поэтому движение сторонников мира в Швеции должно получить еще более широкое развитие. Создавайте новые комитеты защиты мира в городах и деревнях! Дайте возможность каждой шведской семье подписать Стокгольмское Воззвание. Втягивайте новые массы в работу по защите мира!»

Герта Фристед — одна из многих домашних хозяек, проживающих в районе Хьёртхаген в Стокгольме, радостно приветствовала Воззвание. — Я подписываюсь во имя своих детей, — сказала Герта Фристед. — Каждый из нас должен поддерживать все, что может сохранить мир.

Новая книга о Горьком

Изучение творчества основоположника социалистического реализма А. М. Горького — одна из важнейших задач советского литературоведения. До настоящего времени еще не создана научная монография о творческом пути великого писателя. Именно поэтому следует приветствовать возобновление Институт мировой литературы имени А. М. Горького издания сборников «Горьковские чтения», в которых рассматриваются отдельные стороны и периоды горьковского творчества, привлекаются неиспользованные источники и тем самым закладываются основы будущей научной монографии о творческом и жизненном пути писателя.

В первом разделе сборника выделяется статья Б. Михайловского «Творческие искания молодого Горького (Особенности реализма раннего Горького)». Отвечая установившемуся на протяжении 90-х годов, как преимущественно романтическому, Б. Михайловский показывает, что творчество молодого писателя, тоснейшим образом связанное с «движением самых масс», отражало глубокие социальные сдвиги, происходившие в недрах народа, и развивалось как последовательно реалистическое. По мысли Михайловского, совершенно ошибочна попытка представлять раннего Горького как романтика, совершающего под влиянием революционных событий 1905 года резкий и неожиданный поворот к реализму. Б. Михайловский справедливо отмечает, что в раннем творчестве Горького (как по указывал и сам писатель) реалистические рассказы с их остротой и глубиной критической постановки меланхолический дилемм, порочных общественных отношений сочетаются с произведенными, насыщенных революционной романтикой. Прознанные революционными идеями творчество Горького 90-х годов, показывает Б. Михайловский, подготовило искусство социалистического реализма, отражающее массовую революционную борьбу за социализм.

Первый период художественных исканий Горького завершается крупными эпическими подлинными романами «Фомин Горец» и «Трое». В. Ланкина, разбирая в своей работе образ Ильи Луэна — героя романа «Трое», не ограничивается традиционным рассмотрением этого произведения, как полемически заостренного против идей Достоевского. Автор приходит к более широкому выводу, оценивая это произведение, как важнейший этап в развитии реалистического метода Горького.

Тем же стремлением по-новому осветить ряд вопросов в литературном наследии Горького, отмечена статья Н. Белкина «Проблема положительного героя в авторской трилогии Горького». До сих пор этот шедевр Горького рассматривали лишь как произведение, разоблачающее и будущее мешанство. Н. Белкина заостряет внимание на другой важнейшей стороне этой трилогии — покаянии идейного формирования и становления человека, вышедшего из народа.

Первый раздел сборника завершается статьями Б. Михайловского и Н. Белкина о борьбе Горького с империалистической реакцией и упадочной культурой Запада. Ныне, когда международная реакция, возглавляемая американским империализмом, широко использует растущую буржуазную литературу для подготовки новой мировой войны, необычайно актуально звучат гневные выступления Горького против буржуазных анархистов и индивидуалистов — оруженосцев и идеологов агрессивного империалистического капитала.

Второй раздел сборника открывается статьей А. Еролина «Горький и русская литература». Проблема — Горький и классическое наследие — имеет животрепещущее значение, особенно в свете последних выступлений партийной печати против

«Горьковские чтения», 1947—1948. Под редакцией А. Еролина, Б. Михайловского, С. Петрова. Изд-во Академии наук СССР, 1948, 524 стр.

вудгарипации в оценке русской классической литературы. Эта общая проблема, поставленная в статье А. Еролина, конкретизируется в исследованиях Д. Власова «Пушкин в оценке Горького», Б. Михайловского «Горький и Гоголь», Н. Эрльберга «Горький о Лермонтове», Я. Эльберга «Традиции Шедрина в творчестве Горького» и В. Тагера «Горький и Чехов».

Горький творчески развивал и осваивал наследие классиков. Он преодолевал традиционный взгляд реалистической литературы XIX века на человека как на существо приниженое, подавленное действительностью. В творчестве Горького человек с самого начала выступает как активный протестант, как создатель и владыка «неизмеримых сил» и «свободной земли». В основе творческих разногласий Горького и высокооцененного им последнего великого представителя критического реализма — Чехова — также лежал различный взгляд на человека и действительность. Эта мысль ясно и последовательно развивается в статье В. Тагера «Горький и Чехов».

Завершая рядом ярких портретов длинную галерею чеховских лирических людей, Горький шел дальше и создавал образы героев своего времени. Он призывал и Чехова возмещать «новые открытия», но Чехов не мог переступить тот рубеж, который отделил его от Горького. Этим рубежом являлась идея социализма, протестарской революции.

К сожалению, далеко не достаточно внимание уделили авторы сборника вопросу о влиянии эстетики революционных демократов на формирование художественных взглядов Горького. Лишь статья Я. Эрльберга, непосредственно рассматривающая воздействие традиций Шедрина на творчество Горького, является серьезным опытом в этом направлении. А ведь только таким путем можно правильно разрешить проблему традиций и новаторства в творчестве Горького и проблему «Горький и социалистический реализм»; к сожалению, лишь мельком затронутую в сборнике.

Известно, какое неслышное внимание уделял Горький развитию национальных литератур, видя в них могучее средство укрепления пролетарского интернационализма. Следуя основополагающим выступлениям товарища Сталина по национальному вопросу, Горький указывал, что советская литература не является литературой только русского языка, что это — всеобщая литература. Статьи третьего раздела сборника посвящены вопросам влияния Горького на украинскую, азербайджанскую, армянскую и литовскую литературы. К сожалению, эти статьи М. Пархоменко, Мамеда Арифа, Гургена Ованна и К. Умбрасаса носят в основном фактографический характер, в них нет углубленного анализа идейного и художественного влияния Горького на творчество национальных писателей.

Такой тип задания, как «Горьковские чтения», прежде всего должен соответствовать требованию единства научного литературоведения с живой, критической мыслью. Горьковские традиции находят свое воплощение в практике советских писателей, разрабатывающих ведущие темы современности. Серьезный недостаток сборника «Горьковские чтения» состоит в том, что авторы не показали, как эти традиции находят свое конкретное выражение в творчестве советских писателей, например, в такой важнейшей теме, как тема труда. Еще не раскрыта связь основополагающих идей Горького о труде с живой практикой нашей литературы.

Необходима научная разработка вопроса о значении для нашей литературы горьковских традиций обличения гнилой буржуазной культуры Запада. Эти традиции ныне находят свое продолжение в пьесах, повестях и романах советских писателей о буржуазном Западе. Будущие сборники «Горьковских чтений» должны быть теснее связаны с животрепещущими вопросами советской литературы.

Жизненные приключения

Труднее и позже, чем другие области прозы, выходила приключенческая литература на широкую дорогу. Еще многие писатели, работавшие в этом жанре, полагали свои надежды на классику, на детектив, раскрывающий сложные преступления, на кинофильм, становившийся киноповестью, когда появились гайдаровская повесть «Тимур и его команда».

Сюжет своего произведения Гайдар посмотрел в жизни. Ему не понадобилось совершать путешествия за тысячи километров в фантастические страны; необычайное находилось рядом, надо было только увидеть его и полюбить.

Спрятавшийся в зелени сада штаб ти-муровской команды, откуда по всему дному поселку тинулись колокольчики провала, как бы сигнализировали всем писателям, что так же, как меняется содержание игры советских детей, должны меняться сюжеты и идейное содержание всей литературы (в том числе и приключенческой), для детей предназначеной.

Приключенческая литература современного буржуазного Запада хотела всего изобразить приключения, близкие к преступлению. Это с предельной беззастенчивостью проявляется в нынешней американской литературе для детей.

А. Гайдар показал, что советских ребят может привлечь только приключение, близкое к подвигу.

Достоинство и несомненный интерес новой приключенческой повести Вахтанга Апаняна «На берегу Севана» в том, что писатель, хотя и не всегда последовательно, пошел в этом произведении по новаторскому гайдаровскому пути.

Вы читаете эту увлекательную книгу, и все время ловите себя на вопросе, несколько странно при чтении приключенческой повести: было ли то, о чем рассказывает Апанян, в действительности, правда ли это или художественный вымысел? Вы подходите к карте и ищете на берегах Севана село Лячк, с жителями которого крепко подружился герой.

Лячка на карте нет, но вы знаете — то ли это объясняется масштабами карты (село ведь небольшое), то ли тем, что Лячка и все жители его, мальчики и взрослые, старый охотник Асатур вместе с его «клятвятами» — пионерами села создали творческой фантазией автора. Впрочем, даже если верно второе предположение, вы понимаете, что на берегу Севана, как и на берегу Байкала или Белого моря, есть десятки мест, похожих на Лячку, тысячи ребят, добрых смельчаков Камо или маленькой благородной Асмик. Вы понимаете, что автору надо было не выдумывать приключения, а выбирать из полных реальных подвигов.

Вы верите событиям, описанным писателем, хотя в книге его пролетают действительные удивительные вещи, подлинные приключения.

...Тинутся озера, поросшие камышом. Это станицы преледанных птиц. Неужели, гуси, утки, даже розовые фламинго отдыхают или находят себе долгий приют в этих гостеприимных местах. Узкие протоки соединяют озера. Из-за зарослей камыша, откуда-то с далеких озер время от времени раздаются огулщипный рев «болт... бо-олт... болт». Старый охотник

Вахтанг Апанян. «На берегу Севана». Детизд. 1946.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

Вышел в свет пятый номер альманаха «Год тридцать третий». Альманах, издаваемый одно время преимущественно очерки, в последних номерах стремится к большому жанровому разнообразию. Правда, в этом стремлении редколлегия не вполне последовательна. Не печатая в пятом номере, как, впрочем, и в предыдущем, ни одного рассказа, редколлегия называет рассказом отличный очерк В. Фоменко «Элита», который, однако, не перестает от этого быть очерком.

В номере напечатана первая книга романа И. Котенко «Колхозники». Первое большое произведение заслуживает обстоятельного разбора.

С большим интересом прочтет читатель научно-популярную повесть А. Шарова «Жизнь побеждает», посвященную героиче-

ской борьбе русских ученых против чумы. Документальная повесть С. Вьюнградской «Градостроители» рассказывает о строительстве социалистического городка в Эмбинской пустыне в суровые годы Великой Отечественной войны.

В альманахе напечатаны пламенные памфлеты безвременно погибшего украинского писателя Ярослава Галана. Короткая вступительная статья В. Беляева воссоздает облик живущего нашего публициста, неустанно разоблачавшего фашистскую сущность Ватикана.

В разделе «Записки новаторов» опубликованы записки Героя Социалистического Труда — новатора животноводства Праксиса Малиновского.

Напрасно перестал альманах печатать стихи.

Асатур думает, что это ревет «водяной». Но школьница Камо и его друзья не удерживают подобное объяснение. Они отшариваются в тупое путешествие по заросшим камышам протокам. Две задачи ставит перед собой юные натуралисты Лячка: разгадать тайну «водяного» и собрать яйца диких птиц, живущих на озерах, чтобы организовать в колхозе ферму диких птиц. В самом деле, прошли столетия с той поры, когда человек приручил предков домашних гусей, кур и уток. Почему не обогатить подвластное нам царство пернатых?

Но сколько трудностей встает на пути натуралиста, как интересно следить за предостережением ребятами и их взрослыми друзьями этих трудностей, за тем, как проявляются и формируются в борьбе их характеры.

Ферма диких птиц создана. Кряквы, морские курочки, дикие гуси сотнями выводятся в колхозном инкубаторе. Решена и вторая задача, которую поставил себе ребята села Лячка. Грозный рев «водяного» объясняется тем, что из высокогорного озера под землей мчится поток. Этот поток падает на озеро, делаясь у подножия горы, и со дня вырывается на поверхность, выбрасывая гигантские воздушные пузыри, которые лопаются, издавая следы древней орнитологической системы, разгадывая причины, заставившие поток уйти некогда в глубь горы. Взрывом обломки скалы, преграждающие путь потоку, удаётся дать воле страдальцам от засухи колхозным полям Лячка.

Умный, талантливый педагог Арам Михайлович умеет, подобно Макаренку, направить пионерный пионер. И читатель с искренним интересом следит за приключениями, самоотверженным и увлекательным трудом ребят.

Автор одержал явную победу, но, к сожалению, он не до конца верит в справедливость избранного пути. На середине книги ему начинает казаться, что в повести слишком мало событий, необычайных и таинственных происшествий. Тогда писатель вдруг открывает дорогу приемам из старого арсенала приключенческой литературы.

Старый Асатур находит неожиданно колоссальный клад — «неизвестное сокровище». Исправившегося хулигана, мальчика Сэто отправляют в Тбилиси купить подарки для пионеров, но по дороге у Сэто крадут доверенные ему деньги. Грабитель прыгает с поезда и погибает, а в селе думают, что это погиб Сэто. События громадные следят одно на другое, и эти традиционные кадры и традиционные преступления явно заслоняют основную, свежую, увлекательную тему покорины природы, формирования характера советского человека в борьбе с подлинными, а не вымышленными трудностями.

Впрочем, лучшие странички повести показывают, что писатель в силах устранить этот значительный недостаток в своей работе. Идя по гайдаровскому пути, рассказывая о подлинных приключениях, подлинных подвигах наших ребят, писатель сумеет создать хорошие приключенческие книги, которые так нужны нашей детской литературе. Талантливая повесть «На берегу Севана» заставит с интересом следить за творчеством Вахтанга Апаняна.

В конце концов вся эта эстетская вычурность до такой степени надоедает, что невольно стараешься пропустить те места, где ревет илет о музыке. Это в романе-то о великом музыканте!

Но все это еще полбеды. Беда в том, что в романе неверно представлен сложный процесс становления художника.

На протяжении всей книги писатель буквально навязывает юному Глинке рассуждения, которые невероятны для ребенка и абсолютно нелепы для взрослого композитора. Согласно этим суждениям русская народная песня представляет со-

Несостоявшаяся встреча

Битва Алексея Новикова «Рождение музыканта» — первый опыт художественно-биографического романа, героем которого является родоначальник новой русской музыкальной культуры, один из самых блестящих гениев в истории музыки всех народов — Михаил Глинка.

Роман А. Новикова охватывает самый ранний период жизни композитора: его детство, отрочество и юность. Писатель привлек много интересных историко-музыкальных документов, опубликованных советскими исследователями, о тех русских песнях, которые слышал композитор в детстве и которые сыграли большую роль в его музыкальном воспитании, об окружении Глинки дома и в благородном пансионе, где юноша общался с Кюхельбекером и другими будущими декабристами. Юный Глинка показан на широком историческом фоне.

Большое познавательное значение книги для советского читателя несомненно.

Первые главы романа живо заинтересовывают читателя. А. Новиков беспорочно владеет мастерством образной характеристики. Раннее детство Глинки как бы заложено в книгу А. Новикова. Некоторые сцены, как, например, сказание маленьким Мишей сказок своим крохотным сестренкам, посещение маленьким Глинкой своего шамаковского дядюшки Афанасия Андреевича, большого любителя музыки, написаны превосходно. Глубоко возмущает своей искренностью, простотой и жарким чувством рассказ о встрече деревенского священника-партизана, отца Старбужского, с фельдмаршалом Кутузовым.

Вообще главы, посвященные 1812 году, описанию партизанской войны на Смоленщине — родине будущего композитора, принадлежат к числу лучших в книге. Автору удалось убедительно показать, какой неизгладимый след оставили в душе ребенка эти события.

И все же эти главы, даже весьма значительные, не сглаживают чувства неудовлетворенности, с которыми мы закрываем книгу А. Новикова. Это чувство проявляется у читателя не сразу, но делается все сильнее и сильнее по мере того, как углубляешься в чтение. Она из причин — необычайно вычурная, стилизованная, до предела искусственная манера письма А. Новикова.

Это особенно тяжело отразилось на всех без исключения рассуждениях и самого автора и его героев о музыке. Удивительное дело! А. Новиков в своем романе очень много говорит о песне, но песня у него почти нигде и никогда не звучит, не зевнит, не поет. Она всегда и неизменно «ходит», «бегает», «прыгает», даже «поворачивается», «заворачивается» и «приворачивается».

А вот как автор романа повествует о впечатлении маленького Миши от игры оркестра. «Куда? Куда?» — наскочил на него гусавый фанот и встал поперек пути. «Куда?!» — взревела вслед за фанотом труба, свившаяся в холодные блестящие кольца. Мишель отпрянул... Но теперь перед ним лесом поднимались смычки. И сами коварные скрипки, забыв о нем, закуружились в обихому со стройным кларнетом. Маленькая флейта бежала вслед за ними припрыжки, рассыпаясь мелкой печальной дробью: «Бу-та, ку-та, ку-та...» Вель это скорее описание какого-то бреда, нежели впечатления гениального ребенка!

В романе неверно представлен сложный процесс становления художника.

На протяжении всей книги писатель буквально навязывает юному Глинке рассуждения, которые невероятны для ребенка и абсолютно нелепы для взрослого композитора. Согласно этим суждениям русская народная песня представляет со-

бою какую-то изолированную и даже враждебную по отношению к профессиональной музыке стихию. «Есть на свете русское песенное царство...» — размышляет у А. Новикова Миша. «Все в том царстве свое, нигде не занято: каждый заготовил песенный теремок и каждая былинка. А еще есть на свете музыка: в том заморском царстве властвует госпожа Гармония, а командует генерал-бас...» Но зачем же генерал-бас на песню войной идет? Да еще госпоже Гармонии к тому же подбивает?». Это противостоит русской народной песни («заплетены», как называет ее в другом месте А. Новиков) профессиональной музыке писатель настойчиво проводит через всю книгу.

Но, во-первых, почему музыка для юного Глинки «заморское царство»? Когда Глинка делал свои первые шаги, уже давно существовала русская инструментальная, а при этом она совсем не чуждая народная песня. А во-вторых, зачем воскрешать в наши дни реакционную легенду о том, что русская народная песня, мол, по самой своей природе совершенно оторвана от законов мирового музыкального искусства? Более чем столетний опыт создания на русской народно-песенной основе опер, симфоний, камерно-инструментальной, сольно-инструментальной музыки, — словом, всего того, что в результате образовало самую мощную музыкальную культуру нового времени, — решительно опровергает все построения А. Новикова.

Нелепая «раздвоенность» музыкальных вкусов и впечатлений юного композитора — изобретенный романом — самому Глинке она была совершенно чуждой.

Молодой Глинка в романе «Рождение музыканта» — это лишь тень той глубокой и страстной натуры, которую мы угадываем в «Записках» композитора, бледная тень гиганта, которого мы непосредственно созерцаем в его творчестве. Могу сказать, что ведь это молодой Глинка и Глинка, а не великий, еще не зрелый. Но что ж из этого? «По когтям улетел лев», — говорили древние. Но как узнать левенка, если ему неясно показывать когти? Ведь юное Глинке остается только нежиться в той идилической среде, которой окружает его автор.

Глинка был скуп на слова, и только немножко оброненное сестрой композитора Л. П. Шестаковой замечание, что он «возмущался крепостным правом», служит прямым свидетельством антикрепостнических настроений Глинки. Но если бы даже Л. П. Шестакова ничего не сказала об этом, мы безошибочно могли бы определить отношение Глинки к крепостному праву. Художник, такой великой любовью любивший свой народ, должен был ненавидеть его пепел... В «Плыве Сусанине» пылает не только огонь 1812 года, но и рыцарское пламя.

Не странно ли, что А. Новиков, пространно живописующий многие проблематичные любовные увлечения композитора, не находит возможным хотя двумя-тремя строчками раскрыть отношение Глинки к «страшной язве» его времени или по крайней мере показать впечатление, которое произвела на Глинку ужасы крепостного театра и положения крепостных музыкантов? Однако, если не считать нескольких брошенных вскользь замечаний об эксплуатации крепостных, А. Новиков рисует своего Глинку на фоне сплошной крепостной идилии, и это главная беда книги.

«Не в каждой галадриной колоте выходит встреча с Михаилом Глинкой», — говорится в романе А. Новикова. А Новиков эта встреча пока не вышла. Глинка, ребенок и подросток, изображен в книге интересно, а по временам и прямо хорошо, но Глинка-юноша нарисован тускло, неинтересно и, главное, неверно.

Роман к тому же плохо отредактирован. Многие сырые места, литературные недочеты, грубые погрешности языка и стиля редактор Г. Шторм мог и должен был устранить.

А. Новиков. «Рождение музыканта». «Советский писатель», 1950, 613 стр.

Среди детских писателей довольно распространены предсказания, будто близким юному читателю героем может стать только персонаж как можно более «обыкновенный», причем по «обыкновенности» понимается наличие слабостей и недостатков.

— Неинтересно ведь, если моя Наташа будет просто хорошая девочка — горячая, отзывчивая, хлопотунья, которая любит всем быть весело, удобно, хорошо на свете. — Таким представляется кох мыслей автора, когда читаете детскую повесть С. Могилянской «Дом в Цибикнуре», повествующую о жизни детского дома во время войны. И вот, видимо, с целью приближения маленькой героини к юному читателю автор заставляет свою Наташу быть неожиданно жестокой и грубой с маленькой девочкой Катей, которую привез в детский дом после того, как она потеряла мать во время эвакуации. «Ты мне не подходишь... тыжана, размазня и топкая какашка...», — говорит Наташа.

Нужно ли говорить, как неоправданно звучат эти жестокие слова в устах девочки, которая так же оторвана от своей матери, находящейся на войне, так же тоскует о ней, как и обвенная ею Катя. Разумеется, Наташа раскаивается, но снова совершает уже совсем плохой поступок во время похода за грибами. Зная, что новенькая Катя уходит «зря» в темную чащобу, где «нет ни одного опенка», но можно заблудиться. Наташа сначала хочет остановить подружку, а потом решает: «пусть делает, как хочет». И все это для того, чтобы потом кинуться искать Катю и своей заблудиться. «Срывай» Наташи не подготовлены ни логикой развития образа, ни логикой развития сюжета. Это расхолаживает ребят, которым свойственно полагаться, а не полагаться отношение к живым людям в литературных героям.

Наташа не делается ни ближе оттого, что груба, так же, как и Миша из того же «Дома в Цибикнуре» не становится дороже оттого, что красна и толста. (Еще

ЛЮБИМЫЙ ГЕРОЙ

З. КЕДРИНА

один способ «оживления» героя — сделать его некрасивым). Юному советскому человеку свойственно ясное сознание того, что хорошее хорошо, а дурное дурно. Нет у него никакой раздвоенности. Он ищет в книге указания, как жить и куда расти, и поэтому из всех героев повести М. Прилежаской «С тобой товарищи» ребята выделяют Юльку, прямую, честную, горячую и вместе с тем настойчивую и серьезную стремления к высокой, чистой и деятельной жизни. Она — самый яркий, живой и привлекательный герой книги М. Прилежаской. Образ Юльки, не будучи ни романтизированным, ни «приподнятым», раскрывает ребята простотой и доступным всем пример жизненного поведения. Твердость и настойчивость в достижении намеченной цели — стать большим шахматистом, чтобы прославить в далеком будущем свою страну, а пока, в меру своих сил, — свою школу. Умная творческая дружба с соперницей по соревнованию. Преданность товарищам, готовность всегда откликнуться и помочь в любом общепольном деле, поступиться при этом, если нужно, своими интересами. Умение не только горячо принимать к сердцу дела и заботы друзей, но и помочь искренней товарищеской критикой их ошибок. Именно эти добрые качества Юльки делают ее образ так близким.

Не значит ли это, что для детей нужно создавать сухие и прямые, как линейка, положительные сцены, хулыльные добродетели, столь высокие и непонятные в своем совершенстве, что до них и мысль не доиспыт?

Отнюдь нет! Абсолютно добродетельный мальчик Боря Калочарев из той же повести М. Прилежаской столь же мало интересен, как и абсолютно «идеальный» Лена. Юный читатель не в меньшей степени, чем взрослый, не приемлет лакированных героев. Сила образа Юльки именно в том, что она — живая, горячо чувствующая де-

вочка, а не прописная добродетель. Дети нередко пишут в своих читательских письмах, что они хотели бы видеть в книгах таких же обыкновенных школьничков, как они сами.

Эти детские пожелания дополняют тот вывод, который можно сделать, изучая интересы юного читателя, учитывая хотя бы такие объективные факты, как титмуировское движение, или огромную популярность среди детей таких «взрослых» книг, как «Повесть о настоящем человеке» или «Молодая гвардия». Дети хотят увидеть в книге положительного героя, пример которого может стать для них образом жизненного поведения.

И вместе с тем юные читатели хотят, чтобы высокое было раскрыто для них в обыкновенном, доступном пониманию характере. За то и любят молодогвардейцев, что, став замечательными патриотами, совершая героические подвиги, они остаются простыми советскими юношами и девушками, такими, каких много вокруг, на месте которых можно вообразить себя, примеру которых можно и должно следовать.

Секрет успеха даровитого молодого писателя Ю. Сотника, автора сборника рассказов «Невиданная птица», в том и заключается, что он, не ставя своих героев на доухи псевдоромантизма, показывая их обыкновенными советскими ребятами, которые и шалят, и совершают необдуманные поступки, и увлекаются романтическими замыслами, и многого еще просто не знают, — в то же время ясно показывает ведущие, положительные черты их характера. И не просто регистрирует наличие этих хороших черт и добрых качеств, а раскрывает в становлении и развитии образ и событий.

Из отдельных черт и черточек, присущих героям книжки Ю. Сотника, складывается весьма привлекательный, действенный образ советского школьника. Это пылкий, активный маленький человек, готовый на труд и подвиг не в силу своих исключительных качеств, а благодаря советской творческой основе своего характера и трудовой атмосфере создания, которая отличает наше общество.

Однако такие в общем хорошие рассказы, как рассказы Ю. Сотника или С. Георгиевской, такие разнообразные по содержанию, авторской манере, по-разному интересные книжки, как «Повесть о друж-

ношении». Это хороший, веселый рассказ, но увлекательнее все же другие, в которых нарисованы живые характеры ребят, такие, как «Невиданная птица», «Галюка», «Про наши дела». Герой рассказа «Невиданная птица», колхозный паренек Вася, по ошибке сбил из отцовского дробинка модель планера, приняв его за огромную таинственную птицу. Мальчик проявляет основные качества своего характера — мужество, самоотверженность, пытливость, когда, усялем воли преодолев страх перед неведомым пернатым, выходит с ним на бой во имя интересов науки. Автор приводит Васю и его товарища Лиму с подбитой моделью на аэродром. Лима, который попросту струслил во время ночного «боя» с птицей, в юмористических тонах рассказывает о «подвиге» Васи, но полковник, начальник юных анимометристов, пресекает легкий испод Лима-рассказчика. «Какое же ты имеешь право смеяться над товарищем? Ты вот сидел сложа руки да критиковал, а он в это время действовал. Он-то был уверен, что это какое-то живое чудовище, и не побоялся выйти на него с дробинкой. Пусть он ошибался, но он был героем в тот момент, отражаясь исследователем, а ты кем был?» И тот вывод не звучит как навязчивое морализирование, так как он художественно подготовлен всей логикой образов и событий.

В романе неверно представлен сложный процесс становления художника.

На протяжении всей книги писатель буквально навязывает юному Глинке рассуждения, которые невероятны для ребенка и абсолютно нелепы для взрослого композитора. Согласно этим суждениям русская народная песня представляет со-

бою какую-то изолированную и даже враждебную по отношению к профессиональной музыке стихию. «Есть на свете русское песенное царство...» — размышляет у А. Новикова Миша. «Все в том царстве свое, нигде не занято: каждый заготовил песенный теремок и каждая былинка. А еще есть на свете музыка: в том заморском царстве властвует госпожа Гармония, а командует генерал-бас...» Но зачем же генерал-бас на песню войной идет? Да еще госпоже Гармонии к тому же подбивает?». Это противостоит русской народной песни («заплетены», как называет ее в другом месте А. Новиков) профессиональной музыке писатель настойчиво проводит через всю книгу.

Но, во-первых, почему музыка для юного Глинки «заморское царство»? Когда Глинка делал свои первые шаги, уже давно существовала русская инструментальная, а при этом она совсем не чуждая народная песня. А во-вторых, зачем воскрешать в наши дни реакционную легенду о том, что русская народная песня, мол, по самой своей природе совершенно оторвана от законов мирового музыкального искусства? Более чем столетний опыт создания на русской народно-песенной основе опер, симфоний, камерно-инструментальной, сольно-инструментальной музыки, — словом, всего того, что в результате образовало самую мощную музыкальную культуру нового времени, — решительно опровергает все построения А. Новикова.

Нелепая «раздвоенность» музыкальных вкусов и впечатлений юного композитора — изобретенный романом — самому Глинке она была совершенно чуждой.

Молодой Глинка в романе «Рождение музыканта» — это лишь тень той глубокой и страстной натуры, которую мы угадываем в «Записках» композитора, бледная тень гиганта, которого мы непосредственно созерцаем в его творчестве. Могу сказать, что ведь это молодой Глинка и Глинка, а не великий, еще не зрелый. Но что ж из этого? «По когтям улетел лев», — говорили древние. Но как узнать левенка, если ему неясно показывать когти? Ведь юное Глинке остается только нежиться в той идилической среде, которой окружает его автор.

Глинка был скуп на слова, и только немножко оброненное сестрой композитора Л. П. Шестаковой замечание, что он «возмущался крепостным правом», служит прямым свидетельством антикрепостнических настроений Глинки. Но если бы даже Л. П. Шестакова ничего не сказала об этом, мы безошибочно могли бы определить отношение Глинки к крепостному праву. Художник, такой великой любовью любивший свой народ, должен был ненавидеть его пепел... В «Плыве Сусанине» пылает не только огонь 1812 года, но и рыцарское пламя.

200 лет тому назад наш великий соотечественник и земляк Федор Волков со своими друзьями при горячей поддержке народа основал в Ярославле первый на Руси общедоступный профессиональный театр.

Начинание ярославцев ознаменовало собой значительную веху в развитии демократического национального театра. Волков, искусство которого родилось на плодотворной почве народного творчества, развил уicke ярыков призывного артистического любительского театра и прочно связал театр с народом.

Демократические традиции русского театрального искусства постоянно крепились в борьбе против попыток превратить театр в забаву аристократической верхушки. Вглядываясь в глубь веков, мы видим, как традиции народного реалистического русского театра переходили, развивались и обогащались, от Волкова и Дмитриевского — к Яковлеву и Семенову, Мочалову и Щепкину, Салозскому и Ермолову, Станиславскому и Мейерхольду-Данченко.

Старейший русский театр прошел большой и сложный путь развития. В дореволюционную пору он во многом разделял печальную судьбу театральной провинции. Однако и в то время передовые художники театра боролись за демократические идеи и правду в искусстве, стремились к тому, чтобы театр играл активную роль в развитии прогрессивных сил русского общества. На ярославской сцене шли лучшие драматические произведения русской и западноевропейской классики.

Ярославский театр воспитал ряд видных художников сцены. На его подмостках впервые прозвучал голос выдающейся трагической актрисы Стреловой. Сюда приезжали замечательные деятели русского театра — Щепкин, Никulina-Юсичская, Федотова, Савина, Ермолова, Ленский, Южин-Сумбатов, Варламов, Станиславский, Комиссаржевская и другие.

После Великой Октябрьской социалистической революции неузнаваемо изменилась весь облик Ярославского театра. Театр повел решительную борьбу против эстетско-формалистических тенденций на сцене, за высочайшее правдивое искусство, близкое народу и нужное народу. Передовая советская драматургия являлась той основой, на которой развивалось и развивалось искусство нашего театра. С волнением вспоминаем мы первые спектакли «Добрыя Ярыки», «Шторм», «Разлом», «Бронепоезд 14-69», «Шесть Погоди», Ремшова, Корнейчука и других советских драматургов. Особенно важное место в творческой жизни нашего коллектива занимала и занимает сейчас драматургия Горького. В начале века на сцене Ярославского театра прошли «Мещане» и

«На дне». Театр первым в России поставил «Варваров». С тех пор почти все горьковские пьесы были сыграны на ярославской сцене, а к дням юбилея мы приходим с тремя горьковскими спектаклями. Это «Последние», «Васса Железнова» и поставленный в 200-летие театра «Егор Булыч и другие».

Когда я думаю о нашем театре, о театрах многих и многих советских городов, то всегда с особенной радостью ощущаю: в какое далекое и невозрачное прошлое ушло самое понятие «театральная провинция». Театр наш — это дружный коллектив советских художников, неразрывно связанных со всем народом.

Именно в этой связи с народом, в том, что у нас нет других интересов, кроме интересов народа, видим мы источник творчества, черпаем силы для преодоления промахов и ошибок. Почему пьеса Н. Вирты «Заговор обреченных» прозвучала с нашей сцены, как страстный, политически острый, правдивый спектакль; почему этот спектакль был удостоен Сталинской премии? Потому что весь коллектив во главе с главным режиссером П. Васильевым чувствовал, что, ставя эту пьесу, мы выражаем волю и чаяния миллионов свободных людей, мы участвуем в борьбе против поджигателей войны, за мир и демократию во всем мире.

Показать со сцены современную советскую жизнь, создать образы строителей коммунизма — такова главная высокая задача нашего искусства. Решая ее, мы порой терпели неудачи, допускали ошибки. Резкая и справедливая критика со стороны партийной печати, общественности города и области, критика и самокритика внутри театра — вот что помогло нам выйти на верный путь. В последнее время театр показал ряд спектаклей о советской жизни, которые заслужили положительную оценку зрителей.

Было время, когда мы ждали пьес, «апробированных» столицей. Убежден, что это неправильно. Именно потому, что в нашей стране не стало «театральной провинции», каждый советский театр может и должен смело идти своим непросторным путем. «Настя Колосова» В. Овечкина и «Студент третьего курса» А. Бородини и А. Давиденко, впервые поставленные на сцене Ярославского театра, подтвердили правильность этого пути. Спектакль «Настя Колосова» понравился колхозникам области и областному партийному активу, — значит, недаром мы вместе с драматургом настойчиво работали и продолжаем работать над спектаклем.

Дружба между актерскими поколениями, постоянное пополнение труппы свежими

силами — вот что, мне кажется, стало хорошей традицией нашего театра.

Ярославцы хорошо знают актеров, которые давно уже играют в театре, — А. Чудинов, Г. Свободина, В. Колодова, С. Ромоданова, И. Бросевича, О. Иванову, актеров, пришедших несколько позднее, — Е. Карпанову, К. Названову, В. Нельско и др. Теперь они узнали совсем молодых: всего лишь год назав. З. Саченко, А. Барышева, Ю. Караев были учениками студии при нашем театре. Ныне они и многие их товарищи заняли видные положения в труппе. Выращенный выпускник Государственного института театрального искусства им. Луначарского, режиссер Л. Щеголов самостоятельно поставил в Ярославле уже два спектакля.

Мы расторопно встречаем юбилей своего театра. Но в нашей стране есть хороший обычай: в дни праздника быть особенно строгими к себе, не упокаиваться на достигнутом, а посмотреть, что еще не сделано, что надо изменить, улучшить.

Мы все еще недостаточно активны в создании своего репертуара, мало связаны с драматургами. А ведь только на основе такой крепчайшей связи можно полно отразить советскую жизнь. В нашей творческой работе нечуждо еще можно встретить пережитки дурного вкуса, недостаточной актерской культуры: нет-нет, и прозвучит со сцены ложная декларация вместо живой естественной речи, обнаружится, что во имя «красивого» жеста актер может изменить живленную правду. Коротко говоря, не изжиты еще актерские «штычки». Против этих репливок дурной «театральности» мы решительно боремся, и я уверен, что дружными усилиями преодолеем этот недостаток.

Впереди много работы. В будущем сезоне мы должны показать пьесу о новаторе социалистического производства. Мы продолжаем нашу дружбу с В. Овечкиным, который обещает написать для нас новую пьесу о колхозном селе.

До сих пор мы в долгу перед ярославским зрителем. На сцене нет спектакля о первом русском актере, имя которого носит театр. Такая пьеса сейчас готовится.

А в самом ближайшем будущем, в августе этого года, — спектакли в Москве. Каждый театр Советского Союза с волнением ждет встречи с москвичами. Взаповнованы предстоящей встрече и мы. Высокое положение и ответственность старейшего русского театра, внимание к нам советской общественности требуют от каждого из нас напряжения всех творческих сил, еще более строгого, критического отношения к своему большому делу. В этом — залог движения вперед.

Макартур — «бледнолицый микадо»

Н. ГРИБАЧЕВ

Штаб генерала Дугласа Макартура находится в Токио в абсолютном современном здании, напротив экзотического дворца его «друзья», военного преступника императора Хирохито.

Портреты генерала встречаются в Японии так же часто, как и портреты «бледнолицего микадо». Профиль этого дальневосточного кандидата в американские цезари красуется на филиппинских монетах. Он считает себя великим стратегом, кокетливо выдвигает роль простого солдата и выгодно торгует в магазинах Токио товарами с фабричной маркой «Макартур и К°». На его руках свежая кровь корейских патриотов, в его карманах акции и дивиденды компаний и трестов, дающих солидную прибыль, а в голове — сумасбродные идеи подчинения всей Азии американскому владычеству. Этот сухощавый маньяк, как отощавший волк, мечется сейчас в злобе по апартаментам своей резиденции, бросая эскадры к Тайваню, войска и «летающие крепости» в Корею.

Его подчеркнуто грубая, здоровенная трубка, сделанная не то из куска дерева, не то из кукурузного стебля, с острогланной палкой вместо мундштука, подчеркнуто небрежная форма, подчеркнуто грубоватая рубашенная лаццанная рубашка, все это — театральная маска недалекого дельца, а не честолюбца. Из многих дел, которые он начинал в своей жизни, ему лучше всего удавались самые мелкие и грязные. Ни одно из его многочисленных пророчеств не сбылось, ни одно план, выдвинутый им, не осуществился. Его биография — это летопись пыльных деклараций и грязного двуличия.

После окончания военной академии Вест-Пойнт Макартур был направлен на Филиппины. Когда началась русско-японская война, Макартур вместе со своим отцом — генералом — был послан в Японию. Военное министерство в Вашингтоне завладело тогда: «Макартуры» — вот те два наиболее подходящих человека в нашей стране, которых надо послать в Японию». Молодой лейтенант Макартур «оправдал» доверие начальства, — он принял участие в боях против русских войск под Мукденом. Его усердие было вознаграждено — президент Теодор Рузвельт сделал его своим адъютантом.

В 1932 году Макартур «отличился» тем, что разгромил демонстрацию участников первой мировой войны, требовавших выплаты пособий. Среди них, вероятно, были и солдаты из 84-й пехотной бригады, которой он командовал во Франции в 1918 году. Он предал солдат, кровью которых цементировал свою карьеру от майора до генерала. В этом — весь Макартур.

Несмотря на большие связи (достаточно сказать, что миллионер Э. Стотсбери был его тестем) и быстрое продвижение по военной лестнице, Макартуру не возло на политическом ринге Америки. В 1935 г. он участвовал в подготовке фашистского переворота и был одним из трех кандидатов в американские Гитлеры. Переворот не удался. Генералу пришлось искать «хлеб» приложения своих сил другой сфере деятельности. Этой сферой стала Азия.

Начиная с 1936 года, Макартур почти непрерывно находится в Азии. Его сделали главой организации «национальной обороны» на Филиппинах, вслед за тем — «фельдмаршалом» филиппинской армии. Однако этот самопровозглашенный любитель стратегических прогнозов, выдвинутый на ближайшее будущее японской агрессии. Он проснулся от грохота бомб, падавших на Пирт-Харбор.

Весь мир насмешило недавнее паническое бегство американских «советников», т. е. макартуровских офицеров и генералов, из Сувоны в Корею. Они сожгли штаб, растеряли личные вещи и прибыли в Тэчжон промокшие, как крысы. Они побежали, когда еще не было и намека на атаку. И не удивительно — они только копирали само Макартура.

Этому «советнику» филиппинского правительства, командующему американскими и филиппинскими войсками на Филиппинах, командующему американской армией на Дальнем Востоке, «командующему вооруженными силами ООН в Корею», также пришлось во время второй мировой войны удрать со своим штабом с Филиппин в Австралию. Сейчас Макартур собирается провести расследование бегства своих подчиненных из Сувоны. Но он так и «забыл» провести расследование причин собственного стремительного «кросса» на три тысячи километров! Ныне Макартуру не нравится, что его советники благодарно стараются удалиться от фронта на двести километров. Независимо, послужит ли им смягчающим обстоятельством то, что их шеф сам вел войну против Японии, находясь со своим штабом на довольно приличном расстоянии в шесть тысяч километров! Очевидно, не случайно был столь молниеносным и незаметный полет Макартура в Корею и в особенности его возвращение оттуда. Он и теперь не захотел подвергать опасности свою генеральскую персону двухдневным, как обещал заранее, пребыванием не только в зоне военных действий, но и вообще на полуострове.

Ныне, в свете исторических фактов, Смелость его все возрастала по мере того, как отходила в прошлое страхи войны. Он был сторонником «решительных действий» в Китае. Он хвастливо заявлял, что «коммунисты могут быть уничтожены при помощи 500 самолетов». Правда, спустя три месяца он вынужден был уловить эту цифру... Теперь, Макартур говорил, что при помощи 1000 американских бомбардировщиков и достаточного количества американского снаряжения «можно уничтожить основные военные силы китайских коммунистов». История уже избавила нас сейчас от необходимости комментировать эти мажорантные бредни престарелого питомца Вест-Пойнта.

Тем не менее чванство генерала Макартура росло не по дням, а по часам. В 1948 г. он заявил, что готов стать американским президентом, «если его призовет американский народ». Американцы, как известно, не обратили никакого внимания на эту готовность Макартура, и он потерпел поражение уже на первичных выборах в штате Висконсин. 47 студентов Гарвардского университета, воевавшие под началом Макартура на Тихом океане, опубликовали заявление, в котором говорилось, что «ни один ветеран войны не будет голосовать за Макартура». Генерал напел угнетение в том, что, спустя двадцать дней после скандального провала на выборах, приобрел в Японии, в Киото, на 300 миллионов цен антикварных вещей, а заодно скупил значительную часть акций японской компании «Нихон Кюэн кабусин Кайса». И когда сейчас каприл Боб Сми-

становится понятным очень многое в достаточно бездарных действиях американского командования на Дальнем Востоке против японцев, в особенности всюду, где дело доходило до боя на суше. И еще неизвестно, чем и когда все это кончилось бы, если бы советские войска не сконьвали самую отборную и мощную Квантунскую армию японцев, если бы они не надели решительного поражения японским войскам в Манчжурии и Корею. Не атомные бомбы, сброшенные на японских мирных жителей, а разгром японских сухопутных войск прежде всего предопределил поражение Японии. Лавры Макартура за победу над Японией — бумажные лавры, заботливо сфабрикованные из реляций его собственного штаба.

Макартур не скучился в годы войны на эффектные изречения (за тридцать земель от фронта это занятие не слишком опасное). Он заявил, например, что «единственный путь для поражения Японии — это разгром японской армии на ее собственной территории, а кратчайший путь для того, чтобы достичь этой территории, лежит через Китай и Корею». Однако любому школьнику известно, что ближайший путь из Америки в Японию — это прямой путь через Тихий океан.

По Макартуру мерещился другой путь, ибо он стремился не столько к разгрому японцев, сколько к оккупации американцами Китая и Кореи. Уже тогда, сидя в Австралии, он собрался попомно ступить на азиатский материк в качестве гаулейтера Уола-стрига.

30 августа 1945 года, после того, как советскими войсками были разгромлены японские сухопутные силы, Макартур прибыл на аэродром Аугли, в Японию. Начал он с того, что взял под свой контроль токийскую радиостанцию, создал информационное бюро и издал приказ, по которому американские военные «имели право реквизировать на территории Японии все, что им заблагорассудится. Заметим, кстати, что они делали это, не дожидаясь приказа, и делают до сих пор. В своей политической декларации Макартур невинно промолчал, что то о «поощрении четырех свобод», но зато достаточно благожелательно, как о величайшем благодеянии, что император останется «духовным руководителем» страны.

Вряд ли стоит подробно перечислять все «подвиги» Макартура на японской земле.

Рис. Бор. ЕФИМОВА

Имя Макартура все более становится зловещим символом войны, которую он уже спровозировал в Корею и которую готовит для всей Азии. Грязный герой расстрелянных в фашистские диктаторы Америки, провалившийся кандидат в президенты, генерал с весьма заурядными военными, но зато с весьма изощренными провокаторскими способностями, Макартур сейчас из кожи во лезет, чтобы заслужить одобрение Уола-стрига.

Его намерения и взгляды более чем ясны. Еще в июне 1949 года он выболтал в своей статье, напечатанной американским журналом «Форчун». Он писал: «Япония фактически превратилась в большую концентрационный лагерь и продолжает оставаться таковой, поскольку оккупационные (то-есть американские, — Н. Г.) войска стали тиранами для 81 миллиона японцев». А вслед за тем он положил и цели этого концентрационного лагеря: «Наша основная цель в области экономики состоит в том, чтобы заложить прочный фундамент для развития в Японии капиталистической системы».

В этом свете становятся понятными и заявления Макартура о Корею, Китае и о всей Азии вообще: он хотел бы превратить весь великий континент в один концентрационный американский лагерь, чтобы спасти гибнущий капитализм.

Обгарив руки кровью корейских женщин и детей, развязав грязную войну на Востоке, Макартур окончательно определил свое место на задворках истории. Место это — свалка гаулейтеров. Тут, в конце концов, попадет и этот карикатурный «наполеончик», замашнувшийся восточной рукой на великие народы Азии.

Председатель колхоза — агроном

С Андреем Капитоновичем Кулишом я познакомился в Краснодаре, в краевом комитете партии. накануне несколько необычного совещания колхозных вожаков: в крайком были приглашены агрономы, зоотехники и другие специалисты, работающие сейчас председателями колхозов. Необычен был и вопрос, обсуждавшийся на совещании. Если в прошлом председатели колхозов, как правило, собирали в это время, чтобы поговорить о ходе работ, о ремонте жаток и другого уборочного инвентаря, то сейчас, в июне 1950 года, колхозные вожаки говорили о том, каким должен быть в современных условиях председатель сельскохозяйственной артели.

Года два назад такое совещание, пожалуй, и нельзя было созвать, потому что среди председателей колхозов почти не было агрономов и зоотехников. А сегодня только в одном Пашковском районе треть председателей имеет дипломы об окончании высших и средних сельскохозяйственных учебных заведений. В иных передовых колхозах Кубани можно встретить двух, трех и даже пятерых специалистов. Крупные многоотраслевые колхозы стремятся иметь своего агронома, своего зоотехника, своего ветеринарного врача.

Не так давно в станице Крымской на вечере колхозной самодеятельности девушка-колхозница читала «Урожайный марш» Владимира Маяковского:

Поля пройдут науку под ветром-игруном,
Дашь на дружбу руку, товарищ агроном!

С тех пор, как впервые были обнародованы эти строки, изменился облик сельского хозяйства Кубани. Уже не просто о дружбе с агрономом сегодня идет речь. Такая дружба налажена давно. Речь теперь идет о том, чтобы агрономы становились непосредственными руководителями многоотраслевого колхозного производства, которое настолько разрослось и усложнилось, что человеку с одними лишь административными способностями и хозяйственными навыками подчас не под силу им руководить.

Передовой, высокопродуктивный кубанский колхоз — это всесторонне развитое механизированное хозяйство, где вряду с ведущими отраслями — полеводством и животноводством — развиваются хлопководство, овошеводство, бахчеводство, садоводство, не считая многих побочных предприятий.

Каким же должен быть председатель такого колхоза?

И опытный колхозный вождь Захар Княшко, чьи записки были опубликованы в журнале «Новый мир», и председатели колхозов — агроном Кулиш, зоотехник Хорни высказались за то, чтобы во главе многоотраслевого кубанского колхоза стояли люди, знающие не только агрономию, но и зоотехнику, механизацию, умеющие хорошо разбираться в экономике и работать с людьми.

Надо отдать должное агроному Кулишу. Одним из первых среди пашковских агрономов согласился он пойти на постоянную работу в колхоз и стал председателем артели «Заветы Ленина».

Правда, не все его товарищи по прежней работе одобрили это решение. «Ста-

Ал. ДУНАЕВСКИЙ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

нешь ты, Андрей Капитонович, — говорили они, — председателем колхоза и перестанешь быть агрономом. Текучка заест! Придется тебе всем заниматься: и финансами, и запасными частями к машинам, и дисциплиной, и численностью трудящихся. Одним словом, пиши, брат, отходную агроному!»

Выступая на совещании, Андрей Кулиш подчеркнул: «Когда я шел на работу в колхоз, я не хотел быть только советником-агрономом, я хотел отвечать за производство, отвечать и как агроном и как председатель артели».

Кулиш начал с планирования. Нельзя, чтобы большое, многоотраслевое хозяйство, где счет ведется на десятки, сотни тысяч центнеров, на миллионы рублей, велось наощупь, бесплано.

Теперь в колхозе «Заветы Ленина» не ждуть участкового агронома. Председатель-агроном вместе с активом заблаговременно разрабатывает план действий и доводит его до сознания каждого колхозника. Каждая производственная бригада точно знает, сколько сельскохозяйственной продукции она должна получить с гектара пашни, сколько трудной затратит на его обработку, какие агротехнические приемы осуществить, чтобы в нынешнем и в будущем году собрать высокие урожаи.

Андрей Кулиш сумел заинтересовать колхозников достижениями мичуринской науки.

Важнее председателя-агронома чувствуетя во всем: и в ровных, как стрела, линиях всходов, будто вычерченных на каньке, и в своевременном уходе за посевами, и в первых опытах по возделыванию новых для колхоза сельскохозяйственных культур.

Кулиша не зела «текучка». То, что некоторые презрительно называли «текучкой», обогащает его и как агронома и как колхозного вожака. Кулиш не потерял вкуса к агрономической науке. С тех пор, как он перестал быть только советником, стал отвечать за производство, за науку в колхозе, кругозор его расширился.

Нет, не написал Кулиш «отходную» агроному, как не написал ее Сапрыкин, Лазаревский, Хорни и другие специалисты сельского хозяйства — участники совещания, ставшие в наши дни председателями колхозов.

Еще по одной, на первый взгляд, незначительной детали хочется рассказать. Совещание колхозных вожаков проходило в июне, в дни, когда на Кубани началась уборка. Между тем никто из присутствующих не высказывал беспокойства: «Что делают колхозники в отсутствие председателя?» «Не сорвется ли начало уборки?» Еще несколько лет назад в такую страдную пору даже в районном центре опасались созывать совещания, — как бы дела в колхозе не стали! А сейчас люди приехали издалека в краевой центр и спойными.

«Спокойны потому, что у нас в артели, как на хорошем заводе, — объяснил председатель колхоза имени 14-й годовщины Октябрьской революции агроном Лазаревский. — Хозяйство налажено, люди на своих местах, каждый знает свои обязанности, и председатель теперь может

спокойно оторваться на день-другой».

Правда, не все кубанские колхозы имеют такие руководящие кадры, как заводы и фабрики. В этом смысле сельское хозяйство отстало от промышленности. В Краснодаре трудно, например, найти даже большой завод, которым бы не управлял инженер. А вот в многоотраслевых колхозах, производящих зерно, молоко, мясо, овощи, — все еще мало руководителей с высшим и средним сельскохозяйственным образованием. Вот об этом и говорили на совещании. Люди задавали себе вопрос. Может быть, в районах не хватает агрономов, зоотехников, способных руководить колхозным производством?

Как-то один районный работник, подсчитывая число специалистов и количество колхозов, пришел к так называемому «среднему» выводу: «У нас в районе 30 агрономов и примерно столько же колхозов. Значит, мы можем поставить во главе каждого колхоза агронома».

Что и говорить, стремление похвальное, но торжиться здесь не следует. Нельзя сбрасывать со счетов председателей колхозов — практиков, проявивших себя незаурядными организаторами, которых здесь называют «колхозными самородками».

В крайком на совещание было приглашено несколько старых председателей-практиков. Был среди них и Захар Осипович Княшко, двадцать лет проработавший председателем большого, многоотраслевого колхоза в станице Крымской, человек, которому всегда присуще чувство нового.

Помните, в одной из кинокартин, — сказал Захар Осипович, — были такие слова: «Мысль летчика должна лететь быстрее самолета». Это и к нам, председателю, имеет отношение. Для того, чтобы наши колхозы изо дня в день росли, мы с вами должны расти еще быстрее.

Захар Княшко, Иван Буренков заявили участникам совещания, что будут учиться у агрономов, будут стремиться получить среднее сельскохозяйственное образование. А председатели-агрономы высказали твердое желание перенять опыт, знания у председателей-практиков и прежде всего поучиться умению работать с людьми.

Не каждому агроному колхозники доверяют руководство артелью, да и не каждый агроном может быть настоящим колхозным вожаком. Вот, например, агроном Макеев из Варениковской больше года проработал председателем артели. И что же? Руководить колхозом Макеев оказался не под силу. Он хорошо знал агротехнику, но не обладал организаторскими способностями и не умел, а может быть, и не любил работать с людьми. Макеев все хотел делать сам. Колхозники не раз указывали председателю на его недостатки, а он продолжал стоять на своем. И когда люди убедились, что Макеев не справляется с работой, они его прокатили, что называется, на воронках. Нельзя, как правило, рекомендовать председателем колхоза человека, недавно покинувшего студенческую скамью и не знающего колхозного производства. Пусть молодой специалист сначала поработает в колхозе агрономом. Пусть колхозники оценят его способности, его умение руководить не только производственными процессами, но и людьми, и если он человек подлинный, они, несомненно, изберут его председателем, как это было с агрономами Василием Дибровой, Ильей Сапрыкиным, Андреем Кулишом. И не только изберут, но и будут гордо стоять за него.

КУБАНЬ

ТОЛЬКО ФАКТЫ

«Человеколюбие» янки

Никогда еще на улицах и в метро Нью-Йорка не было столько нищих, просящих подаяния, сколько сейчас. Это породило, как сообщает английская газета «Пил», новый, чисто американский бизнес. В Нью-Йорке теперь продаются пакки карточек, на которых напечатано: «Ваша история моя трюна. Разрешите выразить вам мое глубокое сочувствие». Нарядные бездельники кладут такую карточку в протянутую за помощью руку и удаляются вполне удовлетворенные.

Угроза... хорошего урожая

Страшная угроза нависнула было на Соединенные Штаты Америки — угроза хорошего урожая... Правительство чиновники в тревоге подсчитывали, по сколько долларов обойдется уничтожение лишнего производства. Но опасность, как известно, не обратила никакого внимания на эту готовность Макартура, и он потерпел поражение уже на первичных выборах в штате Висконсин. 47 студентов Гарвардского университета, воевавшие под началом Макартура на Тихом океане, опубликовали заявление, в котором говорилось, что «ни один ветеран войны не будет голосовать за Макартура». Генерал напел угнетение в том, что, спустя двадцать дней после скандального провала на выборах, приобрел в Японии, в Киото, на 300 миллионов цен антикварных вещей, а заодно скупил значительную часть акций японской компании «Нихон Кюэн кабусин Кайса». И когда сейчас каприл Боб Сми-

сон, присланный воевать в Корею, грабит местное население и хвастается, что «полмил 15 поросат», то он действует лишь как робкий подражатель своего начальника — Макартура.

Чем больше награбленного добра скапывалось у этого генерал-спекулянта, чем больше прибыли приносила ему торговля, чем крепче становились связи Макартура с Уола-стримом и правящей верхушкой Америки, тем решительнее попирали он податливые решения, тем настойчивее рвал сложные отношения, тем откровеннее принимал позу диктатора.

Известно, что в агрессивных планах США на Дальнем Востоке Япония отведена роль форпоста. Главной заботой генерала Макартура является поэтому милитаризация страны. Япония передается 27 американских кораблей, 50 тысяч офицеров и матросов японцев пройдут военную подготовку. Макартур покровительствует ушедшим старым фашистам и лютящим новкам — в них он видит своего «сопору». Макартур досрочно освободил многих военных преступников. Одновременно он засадил за решетку сроком на 15 лет шестьдесят три японских прогрессивных деятеля.

Вряд всего прогрессивного, Макартур с явной злобой и тайным страхом относится к японской компартии. Совсем недавно, в годовщину принятия японской конституции, он выразил сожаление, «можно ли считать в дальнейшем компартия «конституционно-признанным политическим движением», и вслед за этим (не блистая, правда, оригинальностью и точно следуя американским образцам) развязал дику тралю против коммунистической партии Японии.

Таков этот «бледнолицый микадо», как называют его некоторые иностранные корреспонденты. Его планы и приемы не слишком отличаются от повадок Хирохито. Подобно японским самураям, американский генерал мечтает проглотить всю Азию. Он объявил Китай и Южную Корею совокупно с Японией «линией американских оборон», залогом до последних событий призывая к оккупации Тайвана, являющегося неотъемлемой частью территории Китайской народной республики.

Генерал Макартур всерьез считает себя, как об этом сообщает корреспондент одной английской газеты, «символом американской власти и престижа не только в самой Японии, но и во всей Азии». Действительно в Японии он считает вершиной своей «блестящей карьеры», «памятником, который обеспечит ему прочное место в истории». И чтобы не затруднять себе ступеньки, он милостиво разрешил при жизни воздвигнуть себе статую на эспланаде императорского дворца в Токио.

Макартур редко выбирается из своей резиденции, переезжая в этом отношении самого «блестящего» японского императора. Зредка он принимает там высших сановников и чиновников и, разумеется, самого микадо. О природе, о его нуждах и чаяниях он имеет представление не больше, чем черешка о вершине Гималаев. В своих «стратегических пасьянсах» он учитывает самолеты, танки и крейсера, с помощью которых собирается завоевать Азию, но забывает о полу-миллиарде жителей Китая и Кореи. Клягоскодно разрешая печатать миллионными тиражами свои портреты в Японии, он забывает, что портреты могут не только висеть на стенах, но и быть сброшены в грязь под ноги прохожих...

Имя Макартура все более становится зловещим символом войны, которую он уже спровозировал в Корею и которую готовит для всей Азии. Грязный герой расстрелянных в фашистские диктаторы Америки, провалившийся кандидат в президенты, генерал с весьма заурядными военными, но зато с весьма изощренными провокаторскими способностями, Макартур сейчас из кожи во лезет, чтобы заслужить одобрение Уола-стрига.

Его намерения и взгляды более чем ясны. Еще в июне 1949 года он выболтал в своей статье, напечатанной американским журналом «Форчун». Он писал: «Япония фактически превратилась в большую концентрационный лагерь и продолжает оставаться таковой, поскольку оккупационные (то-есть американские, — Н. Г.) войска стали тиранами для 81 миллиона японцев». А вслед за тем он положил и цели этого концентрационного лагеря: «Наша основная цель в области экономики состоит в том, чтобы заложить прочный фундамент для развития в Японии капиталистической системы».

В этом свете становятся понятными и заявления Макартура о Корею, Китае и о всей Азии вообще: он хотел бы превратить весь великий континент в один концентрационный американский лагерь, чтобы спасти гибнущий капитализм.

Обгарив руки кровью корейских женщин и детей, развязав грязную войну на Востоке, Макартур окончательно определил свое место на задворках истории. Место это — свалка гаулейтеров. Тут, в конце концов, попадет и этот карикатурный «наполеончик», замашнувшийся восточной рукой на великие народы Азии.

